

Вэй Тинсюй рассказывала, что во времена бедствия в Жанчуане она однажды по-настоящему увидела небо.

Ей довелось побывать и в водяной тюрьме, и в собачьем загоне. Кроме палачей, она почти никого не видела, даже Се Фучэня. Из-за долгих лет, проведённых в кромешной тьме, её чувства обострились до предела.

Она часто спрашивала себя: ради чего она живёт? В чём ценность её жизни? Чтобы терпеть муки или чтобы заставить старшего брата подчиниться?

Если ради этого, то ей, в сущности, лучше было умереть.

Разумеется, бывали мгновения, когда пытки становились невыносимыми, когда хотелось плакать и молить о пощаде. И эта невыносимая боль пронизывала каждую секунду её бытия. Она жаждала смерти, но не могла умереть. У Се Фучэня имелись тысячи немыслимых способов сделать так, чтобы она не могла ни испустить дух, ни жить по-человечески.

Можно сказать, что большинство тех бесчеловечных методов, которыми она впоследствии карала лазутчиков и политических врагов, были подсказаны ей самим Се Фучэнем.

Только испытав боль на себе, понимаешь, где именно болит и какие муки вынести труднее всего.

– То, что заставило меня цепляться за жизнь и терпеть дальше, было именно небо Жанчуаня.

Чжэнь Вэньцзюнь, ничего не евшая три дня, отдала последние крохи энергии Вэй Тинсюй. Она поняла, что голод и бессилие вещи относительные, и стоило ей прильнуть к Вэй Тинсюй, как она вновь обратилась в неукротимого воителя, полного безудержной мощи.

Их яростное сближение длилось от восхода до самого заката, пока Чжэнь Вэньцзюнь окончательно не растратила последнюю каплю сил. Изнемогая от тяжёлого дыхания, она распласталась поверх тела Вэй Тинсюй, капризно не желая подниматься.

Прижавшись ухом к животу Вэй Тинсюй, она улавливала, как чужой голос глухим эхом отдаётся внутри её тела. В далёком детстве она больше всего на свете любила вот так припадать к матушке, слушая её сказки. Она то и дело меняла положение, пристраиваясь на разных участках её тела, чтобы прочувствовать, как меняется сила и глубина звука.

Вэй Тинсюй, как и её покойная мать, ничуть не тяготилась её весом, как бы та ни давила и ни лежала на ней. Напротив, кончиками пальцев она прядь за прядью бережно приводила в порядок её растрёпанные волосы.

- В тот день люди семьи Се пригнали меня и нескольких домашних слуг на самую вершину горы, чтобы мой старший брат созерцал это издалека. Слуги Се заставили нас встать у самого края обрыва спиной к ним и принялись выпытывать у брата ответы. Стоило ему промолчать, и они, отсчитав до десяти, сбрасывали одного человека вниз. Причём они не толкали нас по порядку. Тот палач непрестанно прохаживался за нашими спинами. Порой он замирал на месте, пугая несчастных до полусмерти, но не трогал их, а вместо этого внезапно толкал соседа, который совершенно не ожидал удара. Порой он швырял человека в бездну, даже не досчитав до десяти. Словом, всё делалось по его прихоти: кого хотел, того и толкал. Лёгкое прикосновение, и несчастный летел на дно ущелья. Кричали они, конечно, жутко... Прошлой ночью я видела сон и до сих пор слышу эти крики.

Чжэнь Вэньцзюнь не совсем понимала, как именно Вэй Тинсюй теперь относится к пережитому в Жанчуане кошмару. Иногда казалось, что ей совершенно наплевать, ведь она могла штрих за штрихом расписывать мельчайшие подробности тех дней с абсолютным, ледяным спокойствием. Только тот, кто полностью отпустил прошлое, способен поминать его в таком тоне. Но в то же время Чжэнь Вэньцзюнь понимала, что позабыть подобное невозможно. Её речи звучали безмятежно, однако сами слова, какими она так непринуждённо сыпала, заставляли кровь стыть в жилах у каждого, кто её слушал.

- А что случилось потом? - Чжэнь Вэньцзюнь опустила взгляд, прямо перед её глазами на животе Вэй Тинсюй, ближе к бедру, виднелся старый след от укуса. Шрам был широким, куда шире, чем пасть любого свирепого пса. Должно быть, эта отметина осталась с малых лет и росла вместе с ней. Теперь она поблёкла, но стала больше.

- Потом? Потом я просто неотрывно созерцала далёкое закатное солнце. Я не ведала, как зовётся тот горный пик, знала лишь, что он уходит под самые небеса. Стоя на краю этой гигантской скалы и глядя на угасающие лучи, на то, как сумерки окутывают землю и стаи птиц улетают на юг, я правда была заворожена этой красотой. И в тот самый миг я подумала, что если мне суждено вырваться из Жанчуаня живой, я непременно соберу в своём взоре все самые прекрасные закаты в подлунном мире.

- И тебе... совсем не было страшно тогда?

- Не было. Потому что я твёрдо знала, что они не посмеют меня убить. Они лишь непрестанно выискивали новые, изощрённые способы, чтобы напугать меня, заставить взмолиться о пощаде и тем самым поколебать решимость моего старшего брата. Со временем я насквозь разгадала их уловки. Пока мой брат хранил молчание, моей жизни ничто не угрожало. Даже если они подводили меня к самому краю обрыва, руку они бы не подняли. Напротив, они пуще прежнего боялись, как бы я сама не сиганула вниз, оттого и заковали наши ноги в тяжёлые кандалы, отпуская цепь лишь тогда, когда сталкивали очередного смертника.

Вэй Тинсюй уже в ту пору была пугающе умна, однако хвалить её за проницательность в такой момент Чжэнь Вэньцзюнь сочла бы верхом непочтения.

- Вот только остальным слугам было невыносимо страшно, - добавила Вэй Тинсюй, - потому что они знали, что действительно умрут.

Чжэнь Вэньцзюнь, опасаясь, что Вэй Тинсюй может чувствовать дискомфорт, пока лежала под ней, а из гордости смолчит, перевернулась и устроилась поудобнее. Она легла на спину, привлекла её к себе и уложила её голову на своё плечо.

– То, что я сейчас испытала, было в точности как небо в Жанчуане, – Вэй Тинсюй повернулась на бок, положив ладонь на грудь Чжэнь Вэньцзюнь. Глаза её были подёрнуты дымкой усталости, но она всё ещё была не прочь поговорить.

Услышав её слова, Чжэнь Вэньцзюнь ощутила глубокое, щемящее облегчение.

Нижняя часть тела Вэй Тинсюй оставалась крайне нечувствительной ко многим вещам, из-за чего её порог терпимости к увечьям и боли был пугающе высок. С одной стороны, в минуты опасностей это нельзя было назвать безусловным злом. Но с другой стороны, порождённое этим онемение заставляло Чжэнь Вэньцзюнь не на шутку страдать.

Ей претила мысль, что Вэй Тинсюй способна чувствовать лишь одну пронзительную боль. Как она и говорила, в подлунном мире есть тысячи способов ощутить отраду, и то, что они познавали вдвоём, было самой простой, первобытной и чистой радостью. Это благословение даровано каждому человеку от рождения, и Вэй Тинсюй имела на него полное право. Чжэнь Вэньцзюнь желала преподнести ей все самые прекрасные дары вселенной, а уж тем более то, что и так должно было принадлежать её возлюбленной от рождения.

Это снадобье Чжэнь Вэньцзюнь приготовила уже давно. Ещё в Жунине, когда Вэй Тинсюй впервые без утайки открыла ей, что близость не приносит ей удовольствия, Чжэнь Вэньцзюнь принялась усердно листать медицинские свитки. Сочетая законы врачевания и старинные рецепты канонов, она вознамерилась сотворить средство, способное пробудить и обострить угасающие чувства плоти. Сама задумка поначалу пришла к ней при воспоминании о «Порошке Фужун». Ей был знаком его дурманный эффект, однако из-за сильного привыкания и пагубного вреда для здоровья она ни за что на свете не решилась бы дать его Вэй Тинсюй ради мимолётной улады.

Обычные афродизиаки и возбуждающие мази тоже не годились. Чжэнь Вэньцзюнь стремилась шаг за шагом исцелить бывшие раны и вернуть телу естественную чуткость, а не подстёгивать его ядовитыми соками, изнуряя и без того хрупкий организм.

Существует ли в природе средство, способное удовлетворить все её желания?

Она свято верила, что такое снадобье есть и она непременно его создаст.

Она назвала эти пилюли «Пилюли Высшего Наслаждения».

Едва крупинки порошка были растёрты, Чжэнь Вэньцзюнь сперва испробовала их действие на себе.

Эта пилюля предназначалась для наружного применения, делая ту область, которую хотелось, более чувствительной. Будь то зуд, боль, холод или жар, все ощущения воспринимались разумом во сто крат отчётливее и ярче. А значит, стоило ввести этот состав в потаённые тропы Нефритового источника¹, как любые прикосновения и ощущения значительно усиливались.

¹эвфемизм для интимных областей.

Поход по тракту Ваньсян обещал стать дорогой суровой, полной лишений и жестоких трудов. Прояви ты хоть каплю невнимательности, и мигом расстанешься с жизнью. Посему Чжэнь Вэньцзюнь всю дорогу не решалась достать заветный порошок, намереваясь отпраздновать им их триумфальное возвращение в Жуни. В ту пору предать тела взаимным ласкам без остатка стало бы величайшим счастьем, да?

Кто же мог подумать, что впервые пустить в ход «Пилюли Высшего Наслаждения» ей придётся вовсе не ради празднования победы, а лишь для того, чтобы перед лицом неминуемой гибели в море не чувствовать затаённых сожалений.

Неизвестно, хорошо это было или плохо.

Вскоре порошок внутри её лона затеплился обжигающим жаром. Стоило Чжэнь Вэньцзюнь сделать лишь самое лёгкое, едва заметное движение, как в теле спутницы отозвались диковинные, невиданные прежде перемены. Такого между ними не бывало ещё никогда.

– Ты что-нибудь чувствуешь?

– Немного.

– Какое оно, это чувство?

– Горячо.

– А ещё? Боль есть?

– Нет.

– А кроме жара, что ещё ощущаешь?

Вэй Тинсюй лишь прикрыла глаза, храня молчание.

– Не думай, будто я вздумала подшутить над тобой или издеваюсь. Эту дань блаженства я проверяла лишь на себе, но ведь наши тела устроены по-разному. Я до боли боюсь, что это

окажется слишком сильным и причинит вред твоему телу. Ты слаба здоровьем, и нам ни в коем случае нельзя спешить. Ты должна без утайки открывать мне малейшие, самые ничтожные ощущения, чтобы я знала, в чём именно мне нужно исправить рецепт.

Вэй Тинсюй лишь ласково, лукаво улыбалась, глядя на неё, и по-прежнему молчала.

Видя, как чарующе и прекрасно она улыбается, Чжэнь Вэньцзюнь ощутила, как сердце её сладко заныло от страсти.

...

Вэй Тинсюй несколько раз качнулась от её движений, крепко вцепившись в её плечи, едва не потеряв силы и не перевернувшись вниз. Чжэнь Вэньцзюнь быстро поддержала её, не решаясь убрать руку, желая отстраниться.

- Продолжай...

- М-м?

Вэй Тинсюй сгорбила плечи, её кончики пальцев сильнее вдавились в плоть Чжэнь Вэньцзюнь.

- Не выходи, - растрёпанные волосы Вэй Тинсюй слегка промокли от пота и прилипли к её лицу, отливающему персиковым румянцем. Слегка приоткрытые губы были алыми, словно спелые капли. Слабым, но полным нетерпения голосом она сказала Чжэнь Вэньцзюнь:

- То место, что было только что... самое то.

Значит, чудодейственная пиллюля возымела эффект.

Чжэнь Вэньцзюнь обрадовалась. Увлекая Вэй Тинсюй на постель, она предалась с ней неистовым ласкам (перевороту феникса и колыханию луаня), утопая в нежности её шеи и объятий. Та, что была под ней, слегка прикрыла глаза, с чувственным видом принимая ласки. Клитор (красная жемчужина) в самом лоне набух и увеличился, от движений туда и обратно и трения раздавался непрерывный влажный хлюпающий звук. Чжэнь Вэньцзюнь замялась у входа в сокровенное место, а Вэй Тинсюй сама двигалась ей навстречу, покачивая тонкой талией и вбирая пальцы внутрь себя, мягко размешивая горячий сок, отчего непрерывно лилась весенняя роса. После двух-трёх пробующих движений последовали толчки. То резкие фрикции, то медленное трение, то глубоко, то поверхностно.

Пальцы Вэй Тинсюй, впившиеся в спину Чжэнь Вэньцзюнь, то разжимались, то сжимались. В процессе этих толчков она пыталась ухватиться хоть за что-нибудь. Чжэнь Вэньцзюнь раз за разом приподнимала и прижимала её, и когда она резко попала в самую уязвимую точку, Вэй Тинсюй не сдержалась и вскрикнула вслух.

И всё же по лицу Вэй Тинсуй было заметно, что ей приходится преодолевать и терпеть внутреннее напряжение.

Сила снадобья оставалась избыточно жёсткой для её нежного тела, и Чжэнь Вэньцзюнь уже начала раскаиваться в содеянном.

Разве можно было в самый первый раз проявлять такую опрометчивость? Следовало сперва уменьшить дозу наполовину, и тогда Вэй Тинсуй не пришлось бы так тяжело.

А уж в следующий раз, набравшись опыта, можно было без опоздания использовать и целую пиллюлю.

Впрочем, то самое «чутью», о котором говорилось Вэй Тинсуй, вряд ли стоило понимать буквально. Будь это чувство и впрямь едва уловимым, она не стала бы обвивать её руками, упрямо не желая отпустить, пока обе они полностью не растратили силы и лишь тогда неохотно отступились.

Чжэнь Вэньцзюнь крепко сжимала Вэй Тинсуй в объятиях. Сквозь крошечное оконце каюты ей была видна морская гладь.

Вэй Тинсуй никогда не испытывала столь яростных любовных утех (облаков и дождя). В глубине сокровенной ложины смутно пульсировало нечто, соединённое с земными жилами. Эта пульсация не была сильной, но каждое биение будто наступало на обнажённую рану, вызывая зуд и онемение. Обняв Чжэнь Вэньцзюнь за талию, она быстро погрузилась в сон. Чжэнь Вэньцзюнь натянула одеяло, чтобы укрыть её.

Ещё один день неумолимо уходил в прошлое, солнце клонилось к закату. Ныне столь величественные небеса и океан очень скоро должны были погрузиться в безмолвную и пугающую темноту ночи.

Проспав в забытии всю ночь, на следующий день, когда солнце ещё не всплыло над морем, Вэй Тинсуй принялась тереться лоном о бедро Чжэнь Вэньцзюнь, пока не разбудила её. Наступило ещё одно влажное завоевание. Действие лекарства уже прошло, и чувствительность снизилась, однако оставались кое-какие остаточные ощущения. Они терзали друг друга до тех пор, пока у Вэй Тинсуй едва не переломилась поясница, и чувство боли не взяло верх. Только тогда она признала поражение и сдалась.

– Нельзя действовать слишком поспешно, это навредит телу, – Чжэнь Вэньцзюнь помогла ей обмыться.

Питьевой воды уже не осталось, не говоря уже о воде для умывания, поэтому приходилось зачерпывать морскую воду и использовать её, постаравшись максимально отфильтровать.

- А я и не тороплюсь, - отозвалась та.

Вэй Тинсуй лежала на постели, свесив длинные волосы за край кровати, а Чжэнь Вэньцзюнь сидела на полу рядом и помогала ей промывать длинные пряди. В её сердце Вэй Тинсуй навсегда оставалась драгоценным созданием из золота и нефрита, обладающим бесценным телом. Даже оказавшись в отчаянном положении, Чжэнь Вэньцзюнь не хотела, чтобы на Вэй Тинсуй попало хоть какое-то загрязнение.

Услышав её притворство, Чжэнь Вэньцзюнь слегка улыбнулась, подняла голову и поцеловала её.

Когда поцелуй прервался, Вэй Тинсуй лишь спустя долгое время приподняла веки, полная неохоты, думая, что этот поцелуй затянется надолго. Открыв глаза, она увидела, как Чжэнь Вэньцзюнь с гордым видом смотрит на неё, с лукавым выражением лица, будто её шалость удалась.

Должно быть, зная, что жизнь подходит к концу, Вэй Тинсуй больше не возводила прочных стен. За эти два дня она рассказала много о себе. О том, как росла, о себе самой, о семье Вэй, а также о Чжэнь Вэньцзюнь.

Она поведала, будто никогда не думала, что эта новая встреча способна будет завести их отношения в столь глубокий, обжигающий омут. В своё время, когда она всем сердцем стремилась отыскать своего спасителя, она лишь хотела отплатить за доброту.

- А всё, что случилось с нами вслед за этим... хотя и вышло за рамки любого предвидения, на деле оказалось единственно верным, естественным исходом.

Чжэнь Вэньцзюнь медленно помогала ей расчёсывать волосы, тщательно укладывая прядь за прядью эти иссиня-черные шелка.

Нынешняя Вэй Тинсуй безгранично доверяла ей, вручив ей свои внутренние страхи, борьбу, воспоминания и восторг, отдав ей всё это глубоко личное и драгоценное. А что насчёт неё самой?

Чжэнь Вэньцзюнь всё время размышляла над одним вопросом.

Стоит ли ей рассказать Вэй Тинсуй о своей настоящей личности? Рассказать ей, что она вовсе не является её спасителем.

Это было их последнее и самое главное отчуждение. Если не раскрыть карты, то, возможно, до самого дня смерти она так и будет обманывать Вэй Тинсуй. И когда в будущем они встретятся в загробном мире, с каким лицом она предстанет перед той?

Но если раскрыть правду, то даже эта последняя капля нежности вряд ли сможет продолжиться, а Чжэнь Вэньцзюнь не хотела умирать в горечи и страданиях.

Изначальная истина и ложь уже не имели значения. По крайней мере, сейчас она всем сердцем любила эту женщину, была предана ей до гроба, хотела быть к ней доброй и желала отдать ей абсолютно всё.

Думая о том, что она рядом, Чжэнь Вэньцзюнь могла отправиться куда угодно.

Даже смерть больше не пугала её.

К счастью.

К счастью, Чжэнь Вэньцзюнь не приняла неверного решения, когда голодала до помутнения сознания. Насколько же мудрым оказалось то, что она не раскрыла свою настоящую личность, которую скрывала так долго.

Потому что на третий день они действительно увидели сушу.

Сяохуа, которая от голода уже шаталась и у которой темнело в глазах, стояла на смотровой площадке и неотрывно вглядывалась в бескрайнюю морскую гладь. С каждым прошедшим днём тень смерти всё отчётливее ложилась на лица всех живых людей, и на душе у Сяохуа было тревожно, как в огне.

Она начала думать о всякой ерунде. Например, о том, что было бы хорошо, если бы они тогда не отправились на Тракт Ваньсян, если бы она решительно выступила против предложения Чжэнь Вэньцзюнь, если бы она остановила госпожу, когда та только начинала замышлять этот масштабный план... Сяохуа думала обо всём подряд, из-за чего, когда увидела сушу, сначала приняла её за галлюцинацию.

Нога Цзо Куньда уже гнила. К счастью, Чжун Цзи лечила его, иначе он давно бы стал калекой. Однако, если они продолжают дрейфовать в море, то ради спасения жизни, возможно, останется только один путь - ампутация конечности. Говоря об ампутации, он колебался: какой смысл спасти его жизнь, могла ли его жизнь вообще быть спасена? Тело, волосы и кожа получены от отца и матери, без руки или без ноги всё равно трудно избежать смерти, так лучше уж оставить труп целым.

Когда человек близок к смерти, он становится наглым.

Цзо Куньда пошёл признаваться в любви госпоже А-Си.

Госпожа А-Си после того, как в прошлый раз упала в воду, чувствовала себя очень плохо и непрерывно кашляла. А-Ляо ухаживала за ней дни и ночи напролёт. Должно быть, из-за тоски

и тревоги на душе, сколько бы отваров лекарств она ни пила, в её болезни не было никаких улучшений.

В этот день А-Ляо вывела её на улицу, чтобы она подышала воздухом и проветрилась. В тот момент, когда она отошла, чтобы найти для неё накидку на плечи, пришёл Цзо Куньда.

- Ты мне нравишься, выйдешь за меня замуж? – спросил её Цзо Куньда.

- Нет, – честно ответила госпожа А-Си.

- О, – Цзо Куньда ушёл.

За всю свою сознательную жизнь он впервые полюбил какую-то женщину, ради неё чуть не лишился жизни, но та даже не принимала его в расчёт. Цзо Куньда было тяжело и горько, а нога разболелась ещё сильнее. Он подрался с людьми на корабле, выиграл глоток вина, вернулся, поник и стал пить, желая напиться до беспамятства. К несчастью, кроме того, что после этого глотка вина он захотел есть пуще прежнего, он больше ничего не почувствовал.

Цзо Куньда разрыдался и упал в обморок на палубе.

Чжун Цзи попросила Сяохуа остаться с ней наедине на одну ночь, но Сяохуа отказалась.

- Мне недолго осталось, – губы Чжун Цзи потрескались и были сплошь в кровавых ранах, на каждое сказанное слово она делала по три вдоха. – Но если я не исцелю твой яд, я умру с сожалениями. Позволь мне перед смертью в последний раз сразиться с ним.

- Что ты хочешь сделать?

- Сделать надрез вдоль позвоночника, чтобы разом вывести отравленную кровь, а затем провести переливание.

- Перелить кровь? Чью кровь?

- Кровь, которую я готовила и хранила долгое время. Раньше я не решалась на это, боясь за твою жизнь, но теперь медлить нельзя.

- ...У тебя может и не быть забот, но у меня есть. Я отказываюсь.

- Неужели ты готова просто сдаться?

- Я должна защитить безопасность госпожи. Я не умру.

- Значит, ты живёшь лишь до тех пор, пока жива Вэй Тинсюй?

- Куда ты?

- Покончить с Вэй Тинсюй.

- Не сходи с ума. - Сяохуа попыталась остановить её, потянув назад, но, неожиданно, Чжун Цзи была как тонкий лист бумаги: упав от одного рывка и ударившись головой о палубу, она потеряла сознание.

Связывая её, Сяохуа размышляла о том, стоит ли избавиться от Чжун Цзи ради спасения хозяйки. Она понимала, что жизнь госпожи для неё превыше всего, но поймала себя на том, что подсознательно ищет причины, чтобы сохранить и жизнь Чжун Цзи. Ей нельзя привязываться к кому-то другому, кроме госпожи, как Линби, иначе это будет предательством их связи. Всё должно быть только ради Вэй Тинсюй.

Неважно, как долго госпожа могла бы есть, сохранение её жизни было самым важным. Какой смысл имело что-либо ещё?

- Почему ты не сделала этого? - Чжун Цзи очнулась, увидев, что Сяохуа так и не решилась на крайние меры.

Сяохуа хотела уйти, но Чжун Цзи заговорила:

- Ты давно это заметила, не так ли? Я на самом деле не ребёнок. Я стала такой из-за яда. Яд называется «Вода возвращения души», заставляющая людей стареть в обратную сторону. Десять лет назад я выглядела как восемнадцатилетняя девушка, теперь я стала ребёнком.

Сяо Хуа:

- Я не знаю и знать не хочу.

- О? Тогда почему в тот день ты спросила меня, умею ли я пользоваться арбалетом? Какое тебе дело до того, что я умею, а что нет?

Сяохуа больше ничего не сказала.

- Если получится выжить, то через несколько лет я превращусь в младенца и затем умру. Я всё время искала одного человека. Искала очень много лет и так и не нашла. У меня есть только одна зацепка: этот человек отравлен ядом «Проклятой Горлицы».

- Ты обозналась, я никогда тебя не видела.

- Мой облик тоже сильно изменился, откуда тебе ведать наверняка, что ты меня не знаешь?

Сяохуа обернулась. Токсины пульсировали под кожей её лица, словно бесчисленные черви шевелились всем телом, пытаясь прорваться сквозь плоть.

- В этом мире я признаю только госпожу.

Сяохуа простояла на смотровой площадке день и ночь.

Она была уже близка к смерти и так сильно хотела умереть рядом с Вэй Тинсуй. Даже если бы они вместе отправились в загробный мир, она смогла бы защищать госпожу и на том свете.

К сожалению, рядом с госпожой теперь был другой человек, и она, должно быть, больше в ней не нуждалась.

Даже если это путь в загробный мир, госпожа, вероятно, хотела бы, чтобы её сопровождал кто-то другой.

И как раз в тот момент, когда Сяохуа окончательно пала духом, перед её глазами показался материк.

- Гос... госпожа! - убедившись, что это не галлюцинация от усталости, Сяохуа впервые восторженно закричала. Находившиеся в каюте Вэй Тинсуй и Чжэнь Вэньцзюнь одновременно услышали её голос и тут же, одевшись, поднялись с постели.

Заставить Сяохуа так бурно радоваться могло только обнаружение суши, и ничто иное!

Цзо Куньда, А-Си, А-Ляо со своими служанками, а также оставшиеся слуги, которых было меньше двухсот человек, вышли на палубу.

У всех от голода темнело в глазах, и если бы морской ветер поднялся чуть сильнее, их могло бы просто сдуть. Поддерживая друг друга, они всматривались вдаль в том направлении, куда указывала Сяохуа. На бескрайней морской глади действительно виднелась жёлтая точка.

Она становилась всё больше, обнажая едва заметные очертания вздымающихся горных хребтов.

Они удостоверились, что это был материк! Это была еда и вода, это была их жизнь!

Вне себя от радости люди обнимались и плакали, а многие и вовсе зарыдали в голос.

Чжэнь Вэньцзюнь испытывала смешанные чувства. К счастью, она не поддавалась минутному порыву и не раскрыла свой самый большой секрет, иначе как бы она теперь, оставшись в живых, смотрела в лицо Вэй Тинсюй?

В делах ни в коем случае нельзя поддаваться порывам, ни в коем случае!

Вот только было жаль Чжун Цзи, раскрывшую всю душу. А также Цзо Куньда, который не сдержался, признался в любви, но получил отказ.

Они высадились на берег. За исключением Юньчжун Фэйсюэ, всех остальных лошадей они уже забили и подчистую съели. К счастью, здесь оказался рынок.

Чжэнь Вэньцзюнь повела людей туда, они накупили еды и устроили пир. Многие объедались до умопомрачения, некоторых даже тошнило, но они всё равно улыбались. Переведя дух после тошноты и головокружения, они продолжали безудержно и жадно есть.

Это ощущение реальности того, что они живы, было важнее всего на свете.

Набив животы и больше не опасаясь за свои жизни, они тут же ощутили, как навалилась нечеловеческая усталость, сковавшая всё тело.

Все побежали в маленький городок и сладко заснули.

Они наконец-то перестали качаться на волнах, наконец-то можно было крепко и спокойно спать, видя прекрасные сны.

После того как они досыта наелись и выспались, большая половина из двухсот слуг сбежала.

То, что в этот раз они чуть не поплатились жизнями, дало всем ясно понять, насколько труден и опасен этот путь. Впереди им ещё предстояло пересечь степь, а до по-настоящему опасной пустыни они даже не добрались. Можно было представить, сколько смертельных угроз впереди.

Даже если бы их ждало сколь угодно высоких чинов и щедрого жалованья, они больше не хотели в этом участвовать, ведь если лишишься жизни, то никаким богатством уже не насладишься.

Чжэнь Вэньцзюнь заранее предвидела, что эти люди уйдут, поэтому не стала их удерживать.

Будет даже проще, если малодушные и трусливые уйдут совсем. Сейчас от них не было толку, а в будущем они стали бы лишь обузой, так что это можно было считать сбрасыванием лишнего балласта.

В любом случае, они взяли с собой достаточно серебра, а в этом городке был не только конный рынок, но и возможность нанять людей - всё, что душе угодно.

Хотя местные ху были смуглыми и худощавыми, каждый из них выглядел бодрым. Набрать здесь слуг, которые отвечали бы за управление повозками, не должно было составить труда.

Вот только было неизвестно, что именно тем нужно и какие вещи здесь ценятся.

Чжэнь Вэньцзюнь не стала безрассудно объявлять наём, а взяла с собой А-Си, чтобы прогуляться по рынку. Возле одного прилавка она расспрашивала, на другую лавку бросала взгляд и, как и следовало ожидать, керамика и изделия из нефрита стоили здесь баснословно дорого.

Чжэнь Вэньцзюнь тут же решила продать половину керамики и нефрита, чтобы выручить деньги на повозки, лошадей и оплату людям, а заодно облегчить ношу.

Когда они нашли местную знать, чтобы выкупить право на торговлю, то узнали, что этот маленький городок называется Сода и является северным городком племени Тигра.

Местные люди были ещё темнее, чем жители Гуси. Плоские носы, толстые губы, они любили делать проколы в ушах, а их облик немного пугал. Однако здешние места выглядели довольно зажиточно. Каждый человек носил драгоценности и золото, и только предводители знати имели право использовать нефрит.

Право на торговлю удалось получить всего за два куска нефрита, и это оказалось гораздо проще, чем подчинить Гуси.

Знать выкупила все товары, привезённые Чжэнь Вэньцзюнь, так что даже не пришлось возвращаться на рынок. На эти деньги Чжэнь Вэньцзюнь наняла людей, обзавелась повозками и лошадьми, планируя продолжить путь после нескольких дней отдыха.

Она раздобыла карту и, изъясняясь жестами вперемешку с догадками, расспросила местных жителей. Направление на восток действительно вело к степи Гулунь. Чуть не погибнув в море, Чжэнь Вэньцзюнь одно время думала, что Му Гэ её обманул.

Они провели в Соде семь дней, восстанавливая силы, и, как только состояние у всех стабилизировалось, снова отправились в путь. С местными жителями в качестве проводников пересечь степь не составило большого труда. Они мчались во весь опор, обгоняя тень и преследуя ветер, и менее чем за пятнадцать дней оставили степь позади.

Когда они прибыли в маленький городок Бэйси на самой южной окраине степи Гулунь, люди из Соды наотрез отказались идти дальше. Забрав оставшуюся половину платы, они собрались возвращаться обратно.

– Похоже, они тоже боятся пустыни. В самом сердце пустыни полно скрытых опасностей, – Чжэнь Вэньцзюнь сидела верхом на коне Юньчжун Фэйсюэ, которого она изо всех сил пыталась сберечь, и, глядя на возвращающихся людей, вертела в руках компас, тщательно анализируя его показания.

Она обнаружила, что белый песок на компасе Ваньдао распределён крайне рассеянно, рассыпавшись по поверхности диска почти без всякой закономерности.

У Чжэнь Вэньцзюнь появилось нехорошее предчувствие.

Что именно означали знаки на самом внутреннем кольце компаса Ваньдао, она пока ещё не разгадала, но понимала, что именно в них кроется самый важный и ключевой секрет.

– Вперёд, – Вэй Тинской, напротив, не выказывала ни малейшего страха и скомандовала людям продвигаться вглубь. Даже если сердце песков таило в себе бесчисленные угрозы, она была обязана идти туда.

Они уже подошли к входу в великую пустыню Куэр Цзяньши, и причин поворачивать назад не было.

Они купили верблюдов, заготовили достаточно воды и еды и, не пожалев огромных денег, наняли местного проводника, который утверждал, что бывал в царстве Люхо. Когда все приготовления были завершены, они двинулись к конечному пункту назначения.

Они думали, что это путешествие определённо окажется ещё более опасным и непредсказуемым, чем пребывание в море, и что их путь будет усеян терниями. Однако они не ожидали, что, едва ступив в пустыню и ещё не успев столкнуться с опасностями, они первым же делом получают сокрушительный удар в виде огромной неловкости.

Чжэнь Вэньцзюнь, эта настоящая женщина от макушки до пят, чуть было не «женила» на себе короля царства Люхо.

<http://bllate.org/book/17227/2028639>